

Национальный вопрос в Государственной думе накануне и во время Первой мировой войны

Рустем Циунчук

В последнее десятилетие отмечается всплеск общественного и научного интереса к различным сторонам жизни и деятельности Государственной думы – первого Российского парламента. Заметную роль в интенсификации этого процесса сыграли как актуализация самого института парламентаризма в России, так и формирование нового исследовательского пространства и развитие научного сообщества¹. Нужно признать, что место и роль Государственной думы как важного института в политических и национальных процессах позднеимперской России долгое время были недооценены, а сам этнополитический фактор развития многонационального Российского государства предреволюционного периода упрощённо трактовался в категориях триады «великодержавный шовинизм – буржуазный национализм – пролетарский интернационализм». Сегодня в рамках думской «национальной» проблематики имеются не только работы, посвящённые представительству отдельных регионов, этноконфессиональных сообществ², но и монографии, в которых исследуются как общая картина законодательной деятельности Думы по национальному вопросу³, так и феномен её конструирования, формирования и деятельности в этническом, конфессиональном и региональном аспектах⁴. Думская тематика затрагивается и в работах по истории многонациональной России⁵. Вместе с

© 2014 г. Р.А. Циунчук

¹ Об историографии см.: *Могилевский К.И., Циунчук Р.А., Шелохаев В.В.* Государственная дума России как историографическая проблема // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 3–17.

² *Werzchowski M.* Sprawy Polski w III i IV Dumie Państwowej. Warszawa, 1966; *Chmielewski E.* The Polish Question in the Russian State Duma. Knoxville, 1970; *Gerus O.W.* The Ukrainian Question in the Russian Duma, 1906–1917: An Overview // *Studia Ukrainica*. 1984. № 2; *Ceид-Заде Д.* Азербайджанские депутаты в Государственной думе. Баку, 1991; *Циунчук Р.А.* Развитие политической жизни мусульманских народов Российской империи и деятельность мусульманской фракции в Государственной думе России 1906–1917 гг. // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; *Забайцкі М.М., Пуцік В.С.* Прадстаўніцтва ад Беларусі ў Дзяржаўнай думе Расіі (1906–1917 гг.). Мінск, 1998; *Озганбай О.* Государственная дума России и Казахстан (1905–1917 гг.). Алматы, 2000; *Сергеев В.Н., Шапсугов Д.Ю.* Парламентская деятельность депутатов российского казачества (1906–1917). Ростов н/Д, 2003; *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005; *Jurkowski R.* Sukcesy i porażki. Ziemiaństwo polskie Ziemi Zabrzanych w wyborach do Dumy Państwowej i Rady Państwa. 1906–1913. Olsztyn, 2009; и др.

³ *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М., 1999.

⁴ *Циунчук Р.А.* Думская модель парламентаризма в Российской империи: этноконфессиональное и региональное измерения. Казань, 2004.

⁵ Национальная политика России: история и современность, М., 1997; Имперский строй России в региональном измерении...; История национальных политических партий России. М., 1997; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998; *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX века). СПб., 1998; *Каттелер А.* Россия – многонациональная империя. М., 2000; Западные окраины Российской империи. М., 2006; *Russian Empire: Space, People, Power. 1700–1930.* Bloomington, 2007; и др.

тем мало изученной остаётся тема отражения национального вопроса в IV Государственной думе (особенно военного периода) в контексте политических процессов последнего пятилетия существования Российской империи.

Национальный вопрос в Российской империи: содержание и презентация проблемы в Думе

Национальный или «инородческий»⁶ вопрос в поздней Российской империи (комплекс проблем, связанных с этническими, конфессиональными, этно-региональными интересами и потребностями индивидов, групп и общностей) складывался из польского, финляндского, остзейского, еврейского, мусульманского, позднее – армянского, украинского, грузинского, немецкого и других вопросов. Их разрешение, согласно подходам власти, «должно было обеспечить успех стратегии самодержавия, направленной на превращение России в “единое и неделимое” государство», причём большинство «правлящей элиты понимало эту задачу лишь в контексте сближения/слияния инородцев с русскими»⁷. Очевидно, что в этой связи более отчётливо зазвучал и собственно русский вопрос. Так, М.М. Ковалевский подчёркивал, что национальный принцип может выступать и «центробежной и центростремительной силой», полагая, что «в России первые признаки политического сепаратизма вызваны были нежеланием признать за иноплеменными с великороссами народностями права самостоятельного развития их культурных особенностей»⁸.

Каждый из упомянутых национальных вопросов имел свою специфику в общероссийском этноконфессиональном дискурсе, когда складывались и перестраивались конструкты «мы», «не мы», «свои», «иные», «другие», «чужие», применяемые к различным этническим, конфессиональным и региональным сообществам. В меняющейся иерархии этих сообществ в поздней Российской империи сочетались принципы политической лояльности, сословно-социальные факторы и культурные критерии (религия, язык, уклад жизни)⁹. Понятием «мы» охватывались представители «большой русской нации»¹⁰ – великороссы, малороссы и белорусы, а также «свои» – исповедовавшие православие неславянские народы России. Абсолютное большинство «нерусских» – «иных», «других», «чужих» – поляки, немцы, евреи, армяне, мусульмане – проживали на окраинах империи и имели за её границами сородичей. На все нерусские народы в думский период в публицистике и риторике стал распространяться термин «инородцы», который временами применяли

⁶ Под инородцами русские законоведы обычно подразумевали «нехристианские племена неарийского происхождения, стоящие значительно ниже по степени культуры, чем природные русские» (*Зноско-Боровский С.А.* Законоведение. Вып. II. Изд. 3. СПб., 1909. С. 121). О термине «инородцы» см.: *Слокум Д.* Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии.* М., 2005. С. 502–531.

⁷ *Кэмпбелл (Воробьёва) Е.И.* «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. С. 210, 207.

⁸ *Ковалевский М.М.* Национальный вопрос // *Энциклопедический словарь Русского bibliографического института Гранат.* Т. 30. М., [б.г.]. Стб. 62.

⁹ *Каттелер А.* Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений.* М., 1997. С. 125.

¹⁰ *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти...* С. 129.

даже к малороссам (украинцам), ранее воспринимавшимся как «свои». Общее отношение к немцам, в целом, было доброжелательным, они рассматривались чаще как «свои-иные». Резистентные поляки оказывались в плоскости «иные-другие». Евреи, ограниченные в правах и в перемещении за черту оседлости, признавались инородцами и фактически были самым крупным из «чужих» народов. Мусульмане Европейской России воспринимались как лояльные «иные», тогда как исламские народы Причерноморья, Северного Кавказа, Степного края и Туркестана трактовались как «иные-чужие». Требования уравнивания в правах, свободы вероисповедания, обучения и использования родного языка входили практически в каждый национальный вопрос и заметно актуализировались в Думе в 1906–1917 гг. Насущным для всех этносов был аграрный вопрос, нередко борьба за землю с помещиками приобретала национальный характер (Прибалтика, Западный край). Этноконфессиональной по форме становилась также задача регулирования переселенческой колонизации (Степной край, Туркестан, Сибирь). Национальная и конфессиональная чересполосность населения многих губерний и областей осложнялась конфликтами, приобретавшими национальный или религиозный характер (православно-католическо-униатское, латышско-немецкое и эстонско-немецкое противостояния, армяно-азербайджанские конфликты, еврейские погромы и др.).

Именно Государственная дума, несмотря на известные ограничения избирательной системы и полномочий, стала первой легальной политической площадкой, где впервые прозвучали не только вышеназванные актуальные национальные вопросы, но и казачий, старообрядческий молоканский, менонитский, мариавитский и др. В I Думе было не менее 200 нерусских депутатов, образовавших свои фракции: 62 малоросса, 51 поляк, 13 евреев, 23 мусульманина и т.д. Политическая планка обсуждения национального вопроса в I–III Думах снижалась от созыва к созыву в пользу властной тактической установки на игнорирование этноконфессионального многообразия. В I Думе были лишь поставлены национальные, религиозные и региональные проблемы (включая идею автономии для Польши). Установить же диалог по этим проблемам национальным депутатам II Думы и правительству П.А. Столыпина в условиях острейшего противоборства вокруг вопросов «земли и воли» не удалось. В III Думе в результате законодательных ограничений 3 июня 1907 г., политического давления и усиления консервативного тренда среди выборщиков представительство нерусских депутатов сократилось до 108 человек, а планка обсуждения национального вопроса резко снизилась. Правительство не откликнулось на предложение Польского коло наладить диалог на основе более умеренных требований, но с переносом решения многих дел из центра на места и с установлением этноконфессионального равноправия. Противоборство имперского и национального в III Думе проявилось в том, что были отвергнуты все законодательные предложения оппозиции, и голос большинства российских народов всё слабее звучал в парламенте. Правительство провело через III Думу законопроекты, которые урезали автономные права Финляндии, выделили Холмскую губ. из Польши, ввели земства в шести западных губерниях с ограничением представительства от польской курии. Возросло число национальных вопросов, в которых власть видела опасность для монолитности империи. Эту логику проследил один из лидеров Мусульманской фракции III Думы С.Н. Максудов (Казанская губ.): когда «два вопроса – польский и ев-

рейский – немножко уже выдохлись», потребовалось сформулировать «какой-нибудь новый инородческий вопрос», которым стал мусульманский¹¹.

Тенденция на игнорирование реальных национальных проблем и нагнетание фобий усиливалась и в дальнейшем. Возможно, что в немалой мере это определялось и политическими взглядами Николая II, который полагал естественным и необходимым ужесточение прежней политики в решении национального вопроса. Как вспоминал председатель III Думы М.В. Родзянко, весной 1912 г. на царском приёме по случаю выражения депутатами, завершающими последнюю сессию, своих верноподданнических чувств император «недовольным голосом высказал только слова осуждения и недовольства по поводу “слишком страстных, недовольно спокойных прений по разным вопросам”», а такие «патриотические заслуги» III Думы как «Холмщина, западное земство, Финляндия – ничего не было упомянуто царём и впечатление получилось, что государь Думой недоволен и сердит на неё»¹².

Этноконфессиональные вопросы в IV Государственной думе: стабильность или нарастание напряжённости?

В IV Думе (избиралась по закону от 3 июня 1907 г., в условиях жёсткого административного давления) было лишь 17 поляков, 14 «малороссов», 10 «немцев», 7 мусульман и 3 еврея. В этой Думе проводниками интересов нерусского населения оставались лишь три фракции: Польское коло (9 депутатов), Белорусско-литовско-польская группа (6), Мусульманская фракция (6), причём их основное ядро составляли депутаты с высшим образованием, имевшие парламентский опыт работы в прежних созывах и авторитет среди избирателей, не связанные с государственной службой и официальными властными структурами¹³. Критикуя власть, они чаще всего находили поддержку у социал-демократов, трудовиков, временами – у кадетов. Оппонентами этих фракций выступали представители фракций правого крыла Думы: правых (64 депутата, к концу 1916 г. – 20), русских националистов и умеренно-правых (88, к 1917 г. – 49). Один из лидеров Фракции русских националистов (позднее – прогрессивных националистов) А.И. Савенко (Киевская губ.) заявлял, что в противовес инородческим национализмам, которые опасно кренят на лево русский государственный корабль, нужно на его правый борт «погрузить русский государственный национализм», и только тогда судно станет «прямо на ровный киль»¹⁴. Действительно, в период IV Думы правительство, по выражению П.Н. Милюкова, «решило искать союзников в лице *националистов* (курсив мой. – Р.Ц.)»¹⁵. Первая сессия началась с заявления председателя Совета министров В.Н. Коковцова, подтвердившего, что государственными принципами останутся «единство и нераздельность империи, первенство в ней

¹¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия IV. Ч. 2. СПб., 1911. Стб. 2936.

¹² Родзянко М.В. Крушение империи (записки председателя Русской Государственной Думы) // Архив русской революции. Т. XXVI. Берлин, 1926. С. 54.

¹³ Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и её депутаты, 1906–1917. Пермь, 1995. С. 97.

¹⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 1. СПб., 1913. Стб. 417.

¹⁵ Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. VI. М.; Л., 1926. С. 302.

русской народности и веры православной», добавившего при этом, «что под сенью русского двуглавого орла достаточно простора для спокойной жизни всех народностей»¹⁶. Представители национальных фракций были едины в оценке этой декларации правительства: она не содержала ни новых идей, ни конкретных планов решения имеющихся национальных проблем, а во внутренней политике сохраняла имперский курс на унификацию жизни окраин и их населения. Своё разочарование этой декларацией выразил М.К. Киниорский (Варшавская губ.), напомнивший, что представленная ещё I Думой программа «автономного устройства Царства Польского не была принята правительством» и, что польское общество ожидало от правительства предложений, обеспечивающих «национальное, культурно-экономическое развитие нашей страны». Но выступление премьера свидетельствовало, считал депутат, что правительство продолжает реализовывать «систему политического гнёта и обрусения», поэтому «польский народ с этой программой никогда примириться не может»¹⁷. Его поддержал член Белорусско-литовско-польской группы Ф.Ф. Рачковский (Ковенская губ.), заявивший: «После всех Высочайших указов о равноправии, о веротерпимости мы в настоящей декларации г. председателя Совета министров не находим ни малейшего намёка на перемену отношения правительства к окраинам, а в особенности к обширному, так называемому Западному краю»¹⁸.

Главе Совета министров ответил и секретарь Мусульманской фракции И.А. Ахтямов (Уфимская губ.): «На перемену политики правительства по отношению к инородческому вопросу мы рассчитывать не можем... нам в лучшем случае обещают благожелательное отношение, нас готовы терпеть под сенью двуглавого орла»¹⁹. Он перечислил ожидаемые мусульманами реформы: пересмотр избирательного закона 3 июня 1907 г., который «лишил громадное большинство мусульман возможности участия в народном представительстве», обеспечение народам «самостоятельности и свободы в области культурно-просветительской деятельности» и др.²⁰ «Выведите нас из положения граждан второго сорта... Дайте нам... возможность культурно развиваться и работать на пользу общества наравне со всеми русским гражданами»²¹, – закончил под аплодисменты слева и даже кое-где в центре своё выступление Ахтямов.

В III–IV Думах сократившиеся по своему количественному составу национальные фракции, уже не имевшие возможности самостоятельно вносить законопроекты и запросы, выработали новую тактику. Они начали чаще блокироваться друг с другом и с оппозиционными фракциями при внесении законодательных предложений и запросов, а также придерживаться общей тактики при обсуждении всех вопросов внутренней и внешней политики и в последующих голосованиях. Список предвоенных проектов, внесённых при поддержке различных фракций в IV Думу и касавшихся в основном социально-экономических проблем, оказался невелик: два – по польскому вопросу, шесть – по мусульманскому, один – по прибалтийскому²². Однако почти все эти проекты

¹⁶ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 1. Стб. 261.

¹⁷ Там же. Стб. 355.

¹⁸ Там же. Стб. 383.

¹⁹ Там же. Стб. 371.

²⁰ Там же. Стб. 372–374.

²¹ Там же. Стб. 374–375.

²² См.: Законодательная деятельность думских фракций. 1906–1917 гг.: Документы и мате-

были проигнорированы думским большинством, лишь некоторые из них переданы в комиссии, и ни один не стал законом. Внесённые ранее законопроекты, в том числе по еврейскому и украинскому вопросам, также остались «без последствий». В IV Государственную думу попали девять внесённых ещё в II Думу правительственных вероисповедальных законопроектов, пять из них вернули в МВД, а два остались в комиссиях²³. При обсуждении этих проектов секретарь Социал-демократической фракции, молоканин М.И. Скобелев (избран от русского населения Закавказья) назвал их «законодательной вермишелью», заменившей собою «действительное осуществление свободы совести полностью»²⁴.

Для презентации национальных интересов депутаты активно участвовали в обсуждении смет министерств и ведомств, полемизировали с защитниками правительственной политики. При рассмотрении вопроса о предоставлении русским переселенцам участков казённой земли в Голодной степи один из лидеров Союза русского народа Н.Е. Марков (Курская губ.) доказывал, что туда нельзя переселять католиков и нужно исключить «из числа лиц, имеющих право заселять эти орошённые земли, представителей местных национальностей, киргиз, сартов, и т.п.»²⁵. В ответ товарищ секретаря Думы Г.Х. Еникеев (Оренбургская губ.) предложил внести в проект формулу: «без различия вероисповедания и национальности», поставив главный вопрос: «Почему именно только киргиз, или башкир, или туркестанец виноваты в том, что в центральных губерниях оказались бедняки?»²⁶. При рассмотрении бюджета военного ведомства М.Б. Тевкелев (Уфимская губ.) заявил о необходимости финансирования в армии как православного духовенства, так и мусульманского, а при обсуждении сметы Министерства финансов он указал на положение с медицинской помощью в киргизских степях, где на полмиллиона жителей приходились три врача²⁷.

Основным проводником курса по «объединению окраин с центром» выступало МВД. Рассматривая его смету на 1913 г., член Польского коло М.М. Лэмпицкий (Петроковская губ.) подчёркивал, что объединение понимается министерством как борьба с национальными особенностями народа, как «искоренение его языка, культуры и даже веры», что это особенно заметно в отношении к полякам, имеющим «наиболее ясно выраженный свой национальный облик»²⁸. При обсуждении в мае 1914 г. госбюджета депутат от Седлецкой губ. Л.К. Дымша заявлял, что в Польше «местные суды не только не понимают языка, они и не могут понять той задачи, которую им приходится исполнять на местах... они погрязли в той общей политике полонифобства, которая проводится в этом крае»²⁹.

Дело Бейлиса (1913) показало влияние сил, желавших убедить общество в необходимости ужесточения политики в еврейском вопросе. При об-

риалы. М., 2006.

²³ Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 1–3. СПб., 1913. С. 344–346; 225.

²⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 2. СПб., 1913. Стб., 567.

²⁵ Там же. Ч. 3. СПб., 1913. Стб. 2295, 2297.

²⁶ Там же. Стб. 2314.

²⁷ Там же. Стб. 1844–1846, 2530.

²⁸ Там же. Ч. 2. Стб. 1542.

²⁹ Там же. Сессия II. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 536, 535.

суждении проекта государственного бюджета на 1914 г. Н.М. Фридман (Ковенская губ.) заявил, что еврейские депутаты будут голосовать против, поскольку, «если и раньше евреи были пасынками государства, и правительство не решалось на их раскрепощение», то теперь высшие представители власти, открыто солидаризирующиеся с черносотенцами, возвели «травлю евреев в систему и сделали её очередной государственной задачей»³⁰.

Важнейшим вопросом думской полемики оставалось национальное школьное дело. Один из лидеров Мусульманской фракции Еникеев, ознакомившись со сметой Министерства народного просвещения, пришёл к выводу, что оно «не находит нужным делать какие бы то ни было ассигнования на поддержание и развитие родной грамоты и литературы у инородцев» и выступает «против национальной самобытности, против национального самосознания, против самоопределения и против национальной культуры у инородцев»³¹. Тогда же тобольский трудовик В.И. Дзюбинский «сформулировал украинский вопрос», подчеркнув, что многомиллионное украинское население в России «не имеет ни только своей высшей или средней школы, но не имеет ни одной низшей школы с правом свободного преподавания на родном украинском языке», а такое положение, по его мнению, оскорбляет национальное чувство и гордость всякого украинца³². Депутат от Риги прогрессист Я.П. Залит признал, что начальное образование «в Прибалтийских губерниях не только не подвинулось вперёд, но отстало» и настаивал, чтобы органы народного образования вместо «насаждения русских начал» занимались совершенствованием народного образования³³. В итоге Еникеев дал следующую оценку национальной политики правительства: «Все министерства, имеющие касательство к инородцам, действуют в этом пункте совершенно согласно, и наше конституционное правительство отличается от доконституционного только тем, что теперь давление стало более сильным, более решительным, более грубым, образуя стройную систему черносотенно-полицейско-миссионерской опеки, охватившей жизнь инородцев со всех сторон»³⁴. Прозвучавшие в правительственной декларации обещания распространения земского самоуправления «на Прибалтийские и Привислянские губернии и некоторые другие губернии Европейской России и Западной Сибири»³⁵ также не были реализованы. Член Мусульманской фракции М.-Ю. Джафаров (Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губернии) настаивал на создании земств на Кавказе³⁶. Иркутский депутат, социал-демократ И.Н. Маньков так объяснил нежелание правительства вводить земства на окраинах: «Вот возьмите Кавказ. Там и дворяне есть, там и помещиков много, а земства нет... Почему? Да инородцы мешают. Инородцам нельзя дать возможность управлять своим земством». Те же причины, по словам депутата, можно было назвать и в отношении Польши и Прибалтики³⁷.

Вопрос использования польского языка оказался ключевым при повторном рассмотрении в IV Думе законопроекта о городском самоуправлении в Царстве

³⁰ Там же. Сессия II. Ч. 3. СПб., 1914. Стб. 1222.

³¹ Там же. Сессия I. Ч. 3. Стб. 653.

³² Там же. Стб. 636.

³³ Там же. Стб. 713.

³⁴ Там же. Стб. 655.

³⁵ Там же. Ч. 1. Стб. 264.

³⁶ Там же. Стб. 518.

³⁷ Там же. Стб. 2255.

Польском. Правительственным проектом предполагалось разрешить вести внутреннее делопроизводство на русском и польском языках (но переписку – только по-русски), а гласным – говорить по-польски. 27 марта 1914 г. И.В. Свежинский (Радомская губ.) заявил позицию польских депутатов: «В отношении польского языка, которому Государственная дума отвела скромное место, разрешая лишь словесные прения, Польское коло стоит непоколебимо на прежних позициях»³⁸. Председатель русского общества в Варшаве, член Русской национальной фракции С.Н. Алексеев (избран от русских Варшавы) доказывал, «что те, кто голосуют за польский язык, голосуют не за принцип равноправия языков, но за второй государственный язык на территории Привислянского края»³⁹. Госсовет отклонил законопроект⁴⁰, который рассматривался как единственная уступка Польскому коло. Несколько запросов от Белорусско-литовско-польской группы и Польского коло были вызваны гонениями на использование польского языка в Западном крае, когда снимались даже параллельные вывески на польском, изымались афиши и т.п.⁴¹

В IV Государственной думе развернулась острая полемика по украинскому вопросу. Поводом стал внесённый в феврале 1914 г. запрос в связи с попыткой МВД помешать празднованию 100-летия со дня рождения Т.Г. Шевченко. Срочность запроса поддержал полтавский октябрист гр. Д.П. Капнист, заявивший, что его как малоросса возмущает стремление украинства «навязать совершенно нам несвойственную склонность к сепаратизму». С другой стороны, депутат признавал, что Шевченко «дорог нам как певец нашего родного края и заставить нас замолчать в день его чествования было бы более чем странно», поскольку «малороссы, как и великороссы, равноправные сыны русской державы», а совместное «чествование послужило бы лишним доказательством этого единства России»⁴². Трудовик кн. В.Л. Геловани (Кутаисская губ.) подчёркивал, что власти выступают как против возведения памятника, так и предписывают «не служить панихид» по Шевченко⁴³. В думских речах главных ораторов Милюкова и лидера Киевского клуба русских националистов Савенко сконцентрировалась основная дилемма оценки украинского вопроса кануна войны. Милюков, отмечая умеренность украинских требований («украинизация школьного просвещения на Украине, право украинского языка в судебных и правительственных учреждениях, устранение ограничений для украинского печатного слова» и др.), выступал за культурную автономию для украинцев, полагая, что «сепаратистского движения ещё нет на Украине, а если есть его зачатки, то они очень слабы, но его можно воспитать, его можно развить». Этому может способствовать деятельность как русских националистов «г. Савенко и его политических друзей», так и представителей крайней левой части украинского общества⁴⁴. Сам же Савенко выводил этот вопрос в категорию внешнеполитическую: «В ряду вопросов окраинных, терзающих Россию и, быть

³⁸ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия II. Ч. 3. Стб. 300.

³⁹ Там же. Стб. 301.

⁴⁰ Там же. Сессия II. Ч. 4. Стб. 803.

⁴¹ Там же. Ч. 3. Стб. 231; Государственная дума. Указатель к стенографическим отчётам. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 1–3. СПб., 1914. С. 598.

⁴² Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия II. Ч. 2. СПб., 1914. Стб. 710–711.

⁴³ Там же. Стб. 708.

⁴⁴ Там же. Стб. 907, 913.

может, роковых в жизни Российской империи... украинский является самым страшным. Это не инородческий вопрос, ибо мы... вовсе не украинцы... мы малороссы... мы считаем себя чисто русскими людьми». Развивая свою логику, он под аплодисменты справа доказывал, «что украинское движение – это есть серьёзное политическое движение, представляющее собой серьёзную реальную угрозу единству и целостности Российской империи» и призывал «не вставлять палок в колёса правительству» в борьбе с этим движением⁴⁵.

Европейская политика и Балканские войны 1912–1913 гг. заметно актуализировали вопросы славянской и мусульманской солидарности. Мусульманская фракция активно использовала думскую трибуну для противодействия антиисламской кампании, развернувшейся в России под лозунгами борьбы с панисламизмом, мусульманским сепаратизмом и панмонголизмом. Депутат Джафаров на заседании 22 марта 1913 г. выступил против навязываемого обществу представления о том, что происходило на Балканах: «Идёт борьба не с исламом, а борьба Балканских славянских государств с Турецким государством»⁴⁶. Уфимский депутат Ахтямов при обсуждении сметы МВД заявил, что вся деятельность министерства «проникнута единой мыслью, именно, отыскать среди мусульман идеи панисламизма»⁴⁷. Еникеев указывал, что главная причина репрессий против наиболее активной части мусульманского общества, включившейся в общественную жизнь России, – политика «ограничения инородцев в правах, удержания их в невежестве, в чёрном теле, материальное и духовное их ослабление, обезземеленье, искоренение родного языка, родной литературы, искоренение религиозных, племенных, бытовых особенностей»⁴⁸, в результате «призраками сепаратизма оправдываются всяческие чрезвычайные мероприятия», а «вокруг этого мифического инородческого сепаратизма сколько народу кормится и как ловко многие выслуживаются»⁴⁹.

Нарастание международной напряжённости весной 1914 г. отразилось и в думских дебатах о деятельности и реформировании МИД⁵⁰. Дискуссия затрагивала судьбы разделённых народов. Избранный от Бакинской, Елисаветпольской и Эриванской губерний М.И. Пападжанов, выступая за более активную роль России на Востоке и за реформы в турецкой Армении, опасался катастрофы, за которой «последует очищение Армении от христианского элемента»⁵¹. В то же время депутат от тех же губерний Джафаров признавал: «Как бы мы благожелательно не относились к армянам, но вопрос армянский есть вопрос внутренней политики Турции» и надеялся, что «турецкие армяне совместно с прогрессивными турками, которые им сочувствуют, должны этот вопрос разрешить сами»⁵². Волостной старшина из Подольской губ. И.И. Коваль (Фракция русских националистов и умеренно правых), выражая в Думе «своё сочувствие страданиям братьев соседней Червонной и Угорской Руси» и близкой «по крови и вере православной Церкви», предлагал министру иностранных дел встать

⁴⁵ Там же. Стб. 932, 927, 930, 934.

⁴⁶ Там же. Сессия I. Ч. 2. Стб. 18.

⁴⁷ Там же. Стб. 1599, 1600.

⁴⁸ Там же. Ч. 3. Стб. 655.

⁴⁹ Там же. Стб. 656.

⁵⁰ См.: *Кострикова Е.Г.* Государственная дума России и реформирование Министерства иностранных дел // *Отечественная история.* 2007. № 1. С. 40–62.

⁵¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия I. Ч. 4. СПб., 1914. Стб. 444.

⁵² Там же. Стб. 469–470.

«на защиту и подъярёмной Руси»⁵³. Ещё в 1912 г. на одном из первых заседаний IV Думы В.М. Пуришкевич (Курская губ.) заявлял: «Не будет войны более популярной, не будет большего энтузиазма в обществе, чем тот, когда государю императору благоугодно будет сказать: “Настал час свести счёты с нашим историческим врагом, с лоскутной империей”»⁵⁴. При этом он утверждал, что нерусские народы империи – это «другие», «чужие», т.е. это тот внутренний враг «и на Украине, и в Финляндии, и в Польше, и на Кавказе», который будет подкапываться «под наши внутренние устои, чтобы парализовать возможность победы русского оружия»⁵⁵.

Первая мировая война как новая повестка дня для противоборства имперских и национальных сил в Государственной думе

Своеобразным водоразделом всей российской и думской истории явилась Первая мировая война. Её объявление и начало создали впечатление всенационального единства, что проявилось и на внеочередном заседании IV Думы 26 июля 1914 г. В обращении Родзянко говорилось: «Без различия мнений, взглядов и убеждений Государственная дума от лица Русской земли спокойно и твёрдо говорит своему царю... русский народ с Вами... не остановится ни перед какими жертвами»⁵⁶. Лидер кадетов Милуков заявил, что Россия ведёт войну за правое дело и призывал: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства – наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой»⁵⁷. На этом заседании выступили представители многих национальностей – поляков, немцев, литовцев, латышей и эстонцев, евреев и др. Один из лидеров Польского коло В.Ф. Яронский (Келецкая губ.) отметил, что в условиях столкновения славянства и германского мира «положение польского народа, лишённого своей самостоятельности и возможности проявления своей свободной воли, является трагическим», поскольку война идёт на польской территории, а поляки оказались в противоборствующих армиях. Яронский выразил надежду: «Пусть пролитая наша кровь и ужасы убийственной для нас войны приведут к соединению разделённого на три части польского народа»⁵⁸. Мотив объединения двух частей литовского народа «под одним русским знаменем» прозвучал из уст ковенского депутата М.М. Ичаса⁵⁹. Курляндский барон Г.Е. фон Фелькерзам выступил от имени «верноподданнического немецкого населения Прибалтийского края, всегда готового встать на защиту престола и Отечества... и жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России»⁶⁰. Латышский депутат от Курляндской губ. Я.Ю. Гольдман подчеркнул, что в условиях войны «ни национальность, ни язык, ни вероисповедание не мешают нам, латышам и эстонцам, быть горячими патриотами России и стать на защиту своего Отечества». Впрочем, он добавил, что у латышей и эстонцев

⁵³ Там же. Стб. 479, 478.

⁵⁴ Там же. Ч. 1. Стб. 310–311.

⁵⁵ Там же. Стб. 298.

⁵⁶ Государственная дума. Четвёртый созыв. Стенографический отчёт заседания 26 июля 1914 г. СПб., 1914. С. VII.

⁵⁷ Там же. Стб. 25.

⁵⁸ Там же. Стб. 21.

⁵⁹ Там же. Стб. 23.

⁶⁰ Там же. Стб. 20.

непростые отношения «с нашими прибалтийскими немцами. Но мы не будем теперь с ними считаться»⁶¹. Один из лидеров октябристов И.В. Годнев решился выступить «не как русский, а как представитель инородцев Казанской губернии, от которых нет ни одного представителя» в Думе, уверенно полагая, что и «они как один человек будут бороться, как и мы, русские»⁶². Депутат Фридман заявил, что «в настоящий час испытаний», даже несмотря на «тяжёлые правовые условия жизни евреев в России, все мы русские евреи, как один человек, станем под русское знамя и положим все свои силы на отражение врага»⁶³.

Однако ощущение общеимперского единства оказалось недолговечным. С началом войны для традиционалистов во власти «необходимость военного единства государства трансформировалась в лозунг единения русского народа и создания империи русских»⁶⁴. Прежние этноконфессиональные проблемы быстро дополнились новыми национальными фобиями и конфликтами, шпиономанией, вопросами беженцев, военных и гражданских пленных. В духе принципиальной установки министра внутренних дел Н.А. Маклакова (публично заявлял, что он был и всегда останется членом «Союза русского народа») уже в первые месяцы войны, как свидетельствовал Милуков, развернулась «политика подозрения по отношению к населению страны и враждебного отношения к народностям»⁶⁵. К 1917 г. общее число беженцев различных национальностей, в том числе русских, превысило 6 млн человек⁶⁶.

Одним из новых острых вопросов стал немецкий. Выступая в Думе в январе 1915 г., председатель правительства И.Л. Горемыкин утверждал, что «радость единения всех русских людей во время войны ещё усилилась», ратуя при этом за «освобождение от немецкого засилья нашей промышленности, нашего сельского хозяйства, а в приграничных областях и нашего землевладения»⁶⁷. Известно, что ещё во время III Думы правительство попыталось придать аграрной проблеме в Юго-Западных областях не только антипольский, но и антинемецкий характер, т.е. ограничить землевладельцев «нерусского происхождения». Однако тогда, благодаря сопротивлению влиятельных русско-немецких октябристских депутатов, таких, как барон А.Ф. Мейндорф (двоюродный брат П.А. Столыпина), эти предложения были отвергнуты Думой. Немецкая карта осталась не разыгранной. В IV Думе проблему «немецкого засилья» продолжили правые депутаты. Председатель Фракции правых С.В. Левашов (Одесса) заявил, что «полуторавековое сожительство» с немцами продемонстрировало «отталкивающие национальные особенности их»⁶⁸. А Марков (Курская губ.) изобразил немецких колонистов как внутренних врагов и предложил их «изгнать, лишить их землевладения... имущества товаропромышленных, какие они захватили», а также запретить протестантские секты штундистов, меннонитов и др.⁶⁹

⁶¹ Там же. Стб. 22.

⁶² Там же. Стб. 28.

⁶³ Там же. Стб. 24.

⁶⁴ *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 366.

⁶⁵ Падение царского режима. Т. VI. С. 309.

⁶⁶ *Гатрелл П.* Беженцы в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 4(122). М., 2001. С. 46.

⁶⁷ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия III. Заседание 1. Пг., 1915. Стб. 11.

⁶⁸ Там же. Стб. 67.

⁶⁹ Там же. Стб. 67, 128.

Проблемы увидели и в пацифизме имевших немалые земельные колонии менонитов, баптистов, адвентистов, и в их связях с братьями по вере в Германии и Австро-Венгрии. Пиком антинемецкой политики стали погромы лета 1915 г., высылки из прифронтовых зон и образование по инициативе правых (11 августа) в IV Думе специальной комиссии по борьбе с немецким засильем в составе четырёх подкомиссий: торгово-промышленной и банковской; по немецкому землевладению; по прибалтийским делам; по запросам. В 1915 г. в обход Думы по ст. 87 Основных законов были приняты указы по ограничению землевладения австро-венгерских, германских и турецких «подданных и выходцев». Объявленные конфискационные планы были реализованы к 1917 г. на 2 млн десятин и могли коснуться площадей ещё свыше 6 млн десятин и до полумиллиона «вражеских» жителей империи⁷⁰. Марков убеждал россиян, что война идёт «не с “Австро-Германией”, а с “Иудо-Германией”»⁷¹. Так в ходе войны немцы превратились из «своих» в «чужих». В этой логике премьер Б.В. Штюрмер, выступая в Думе в феврале 1916 г., убеждал, что борьба с немецким засильем обеспечит страну продовольствием и остановит дороговизну⁷². Член кадетского ЦК Ф.И. Родичев указывал на быстроту этой метаморфозы: «Русские немцы из первостепенных, первостатейных граждан России сделались предметом ненависти... возгласы “немцы” раздаются оттуда, откуда раздавались до сих пор хвалы, и где немецкая власть считалась настоящей опорой истинно русской политики»⁷³. Фелькерзам выступил против нагнетаемой германофобии: «Мы собираем богатый материал опровержения всех этих сплетен, ложных сообщений и слухов... несмотря на глубоко оскорбительное отношение к нам, на полную беззащитность и несправие, мы, прибалтийские немцы... непоколебимо и до конца исполним свой долг перед государем и империей»⁷⁴. Разочаровавшись в октябристах, немецкие депутаты переходили к прогрессистам и в другие фракции. Правые выступили также против привилегированного положения Финляндии – «чухонских аристократов», предлагая ввести там те же военные повинности, как и во всей стране⁷⁵.

Волны гонений накрыли и латышей, литовцев и эстонцев, которых в условиях военных неудач лета 1915 г. тоже быстро перемещали в направлении категории «чужих». Прогрессист Голдман, пытаясь пояснить, что «верные России латыши» исповедуют лютеранство и сами «в подавляющем большинстве с немецкими фамилиями», под рукоплескания призывал: «Пусть русский народ и представители русской власти не смотрят на них из-за этих признаков, как на врагов своих, ибо... они все принесли на алтарь Родины своих сыновей и имущество, для того чтобы, хотя и бедными, но быть там, где Россия»⁷⁶. Трудовик Н.О. Янушкевич (Ковенская губ.) сообщал с думской трибуны, что в результате правительственной политики «тысячи литовцев были изгнаны из насиженных

⁷⁰ Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 142.

⁷¹ Иванов А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). СПб., 2006. С. 43.

⁷² Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 1223.

⁷³ Там же. Стб. 417–418.

⁷⁴ Там же. Стб. 183.

⁷⁵ Иванов А.А. Указ соч. С. 114.

⁷⁶ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 181.

мест только потому, что они евангелического вероисповедания, а некоторые носят фамилии, малое сходство имеющие с немецкими», заявив, что литовский народ ждёт, что «получит, наконец-то, на что он имеет право – полную национальную автономию»⁷⁷. Кадет Я.М. Рамот (Лифляндская губ.) указал, что эстонцы часто были представлены «как внутренние враги», но в час испытаний «оказались тем, чем были в действительности, – верными сынами России» и после победы ожидают «земского самоуправления»⁷⁸.

Украинский вопрос также в годы войны стал одним из самых обсуждаемых в Думе. В январе 1915 г. председатель правительства Горемыкин выражал удовлетворение «занятием Червоной Руси»⁷⁹. Один из лидеров возникшей в августе Фракции прогрессивных националистов Савенко, приветствуя поход в Галицию, заявлял: «Русь объединилась на всём протяжении этнографической территории русского народа»⁸⁰. Левашов был уверен, что на деньги немецкого генерального штаба организовывалось «в искони русских землях мазепинство»⁸¹. Малороссы (украинцы) уже не воспринимались властями как «свои», о чём свидетельствовали не только высылки лидеров украинского движения из прифронтовой зоны, но и закрытие отделений общества «Просвита» и запрещение издания свыше десяти украинских газет⁸². В срочном запросе о репрессиях против украинской печати, внесённом 28 августа 1915 г., признавалось, что «лозунг “освобождения подъяремной Галиции” на практике выразился в полном разрушении всех проявлений культурной самостоятельности украинского народа», и даже «в элементарных проявлениях национальных симпатий усматривает администрация “мазепинство”», а «украинство и украинофильство» правительство объявило «немецкой интригой»⁸³. Социал-демократ Н.С. Чхеидзе (Тифлисская губ.) признал, что украинцы – «весь этот многомиллионный народ в глазах администрации, в глазах правительства оказался в стане предателей, изменников России»⁸⁴, а в Галиции разрешение национальной проблемы новыми властями «производится путём обычных приёмов насильственной русификации населения... преследования религии... уничтожения всех свобод, которыми галичане до тех пор пользовались безвозбранно»⁸⁵.

В годы войны ещё больше обострился еврейский вопрос. Евреев прифронтовой полосы обвиняли в массовом предательстве, брали в заложники, подвергали репрессиям и почти поголовной высылке во внутренние районы. По свидетельству Чхеидзе, «ни на минуту не ослабевает гнёт бесправия даже в отношении раненых солдат-евреев», в условиях войны часто сеют «тёмные слухи и клевету на еврейский народ»⁸⁶. Фридман спустя год после объявления войны и своего патриотического выступления в Думе описал преследования

⁷⁷ Там же. Стб. 186.

⁷⁸ Там же. Стб. 182.

⁷⁹ Там же. Стб. 10.

⁸⁰ Там же. Стб. 63.

⁸¹ Там же. Стб. 67.

⁸² *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (XIX – начало XX века). М., 2003. С. 192.

⁸³ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 1182–1185.

⁸⁴ Там же. Стб. 1186.

⁸⁵ Государственная дума. Стенографический отчёт. Четвёртый созыв. Сессия III. Заседание 1. Пг., 1915. Стб. 43.

⁸⁶ Там же. Стб. 42.

еврейского населения прифронтовой полосы, «когда евреев тысячами ссылают в Тамбовскую, Воронежскую губернии, в Сибирь» и с разочарованием констатировал, что «когда пресловутая черта оседлости и так уже нарушена, власть и Дума находят “несвоевременным” дать евреям право свободного передвижения»⁸⁷. Горемыкин приводил цифру в 300 тыс. евреев, которых власти планировали выселить только из Курляндской губ., указывая, что реальное общее число высланных может быть заметно больше⁸⁸. Марков считал, что выселение евреев в массовом порядке из прифронтовой полосы «необходимо, даже может быть слишком недостаточно». Он призвал изолировать этих евреев и в России, «дабы они не производили вредных действий»⁸⁹. Правый депутат Г.Г. Замысловский (Виленская губ.) обвинил евреев-торговцев в спекуляциях, исчезновении разменной монеты, росте дороговизны⁹⁰. Евреи, оставаясь в категории «чужих», подверглись ещё большей дискриминации и давлению, хотя их массовые перемещения на восток заставили правительство в августе 1915 г. фактически ликвидировать черту оседлости. Социал-демократ М. Скобелев справедливо замечал, что вопрос об этой черте встал в Совете министров лишь тогда, когда организованная властью волна еврейских беженцев «уже смела, в действительности, эту средневековую плотину»⁹¹.

Межнациональная напряжённость среди нерусского населения окраин усиливалась и в связи с предложением передавать конфискованные у «вражеских подданных» земли семьям участников войны⁹². В выступлениях в Думе звучали недовольство и претензии одних нерусских депутатов к другим (латышей к немцам, и наоборот; евреев и литовцев к полякам и т.д.)⁹³, что свидетельствовало об усилении нетерпимости и конфликтности в имперском социуме. Чхеидзе в выступлении 19 июля 1915 г. объяснил это обострение на примере роста межнациональных конфликтов на Кавказе, где политика «Divide et impera» («Разделяй и властвуй») никогда «не проводилась так последовательно, как в последнее время»⁹⁴. В тылу Кавказского фронта, по свидетельству Джафарова, происходили массовые погромы и убийства местных мусульман. «Под шум войны над мирным мусульманским населением творились и продолжают твориться ужасы, – заявил депутат. – Вымогательство, грабежи и убийства мусульман сделались здесь обычным делом»⁹⁵. В Думе было также оглашено письмо депутата I Думы отставного офицера Закарий-бека Аджарского (формировавшего «мусульманскую сотню для участия в рядах нашей армии против общего врага») о насилиях над ним и убийствах жителей⁹⁶. Власти, вместо того чтобы найти преступников, писал бывший депутат, попытались посадить на скамью подсудимых «не поджигателей, не грабителей и насильников,

⁸⁷ Там же. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 162.

⁸⁸ *Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 г. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 86.

⁸⁹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стб. 58.

⁹⁰ Там же. Стб. 3033–3035.

⁹¹ Там же. Стб. 653.

⁹² Конференция конституционно-демократической партии. 6–8 июня 1915 г. // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 28, 31, 34–35, 38.

⁹³ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Стб. 161, 178–179, 183, 186; и др.

⁹⁴ Там же. Стб. 123.

⁹⁵ Там же. Пг., 1915. Стб. 153.

⁹⁶ Там же. Стб. 2750–2751.

а самих аджарцев, т.е. потерпевших» – за измену, однако, в суде обвинение провалилось. Социал-демократ А.И. Чхенкели (Батумская и Карсская область и Сухумский округ) также сообщал, что многие невинные всё ещё в тюрьме, а «большое количество мусульман сослано административным порядком в Сибирь и внутренние губернии»⁹⁷. Тевкелев отмечал, что мусульмане послали на фронт «своих отцов, сыновей, братьев», но даже в такой серьёзный момент «правительство наносит очень чувствительный удар их религиозному и национальному чувству»⁹⁸. Фактически в годы войны даже лояльные мусульмане всё более воспринимались как «иные», «чужие». В контексте кавказского вопроса обострилась проблема разделённого воюющими Россией и Турцией армянского народа, создавшего военные дружины и испытывавшего, по словам депутата Пападжанова, «кровавые ужасы, подобных которым не знает мир», но всё ещё ожидавшего, что «под сенью русского орла возродится вновь к свободной национальной жизни армянский народ в пределах своей древней родины Турецкой Армении»⁹⁹.

Закрытое заседание Думы 13 декабря 1916 г. было посвящено запросам, внесённым трудовиками, мусульманами, прогрессистами и другими депутатами¹⁰⁰ по поводу событий в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах, где при мобилизации местного инородческого населения на военно-тыловые работы произошло восстание местного населения, которое было жестоко подавлено. Один из инициаторов запроса лидер Трудовой группы А.Ф. Керенский (Саратовская губ.) прямо обвинил в случившемся правительство, доказывая, что «причиной всего того, что произошло в Туркестане, является исключительно царская власть, объявившая и проведшая в жизнь незаконное Высочайшее повеление, незаконным порядком, с нарушением всех элементарных требований закона и права»¹⁰¹. Конфликт выводил инородцев за пределы правового поля, делал их враждебными «чужими» и способствовал созреванию предпосылок для гражданской войны¹⁰².

Национальные фракции IV Думы интенсифицировали контакты с избирателями, стали центрами притяжения общественных национальных сил¹⁰³. 20 июля 1915 г. нерусские депутаты Думы (латышы, литовцы, эстонцы, армяне, евреи, мусульмане) подготовили совместное заявление, внесённое в Думу председателем мусульманской фракции Тевкелевым. Они обращали внимание на то, что «одним из главных условий успеха является подъём духа в среде населяющих Россию народов», поэтому требовали «обеспечения входящим в состав России народностям гражданского и национального равноправия», устранения всяких административных стеснений, направленных против отдельных народностей, и отмены «в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием или националь-

⁹⁷ Там же. Стб. 1479–1481.

⁹⁸ Там же. Сессия III. Заседание 1. Пг., 1915. Стб. 34.

⁹⁹ Там же. Сессия IV. Пг., 1915. Стб. 1479–1481.

¹⁰⁰ Там же. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 1423–1424.

¹⁰¹ Цит. по: Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В. Указ. соч. С. 197.

¹⁰² Центральная Азия в составе Российской империи. М., 2008. С. 292.

¹⁰³ *Harusewicz J. Za carskich czasów I po wyzwoleniu. Wspomnienia – dokumenty.* L., 1975. S. 177–179; *Wojniłowicz E. Wspomnienia, 1847–1928. Część pierwsza.* Wilno, 1931. S. 191–193; *Цаликов А. Мусульманская фракция в Учредительном собрании. Речь на 2-м Всероссийском мусульманском съезде (1917).* Казань, 1917. С. 15–16.

ностью»¹⁰⁴. Правые и националисты «провалили» это предложение. Думская фракция кадетов, партийная деятельность которой по национальному вопросу была шире собственно думской, не поддержала проект об отмене всех национальных ограничений, составленный фракциями трудовиков и социал-демократов, ограничиваясь программой Прогрессивного блока¹⁰⁵. В неё были включены отмена ограничений для поляков и разработка проекта автономии Польши, восстановление украинской и еврейской печати, прекращение преследований за веру¹⁰⁶, т.е. требования, с которыми согласились все составившие его группы. Основная часть этих групп была правее кадетов в национальном вопросе. Этот вопрос за годы войны стал важным компонентом политической борьбы в империи, что отразилось и в формулах законопроектов, касающихся народов, конфессий и регионов, внесённых в Думу в 1914–1916 гг.: прогрессистами – «Об отмене особых привилегий, присвоенных собственникам дворянских вотчин в губерниях Курляндской, Лифляндской и Эстляндской», «О ликвидации немецкого землевладения», «О введении земских учреждений в Прибалтийском крае»; кадетами – «О введении земских учреждений в Закавказье»; социалистами – «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений»; Белорусско-польско-литовской группой и Польским коло – «Об отмене содержащихся в законах ограничений поляков, действующих на всём пространстве Российской империи, так и в девяти губерниях Западного края», «Об отмене некоторых вероисповедальных ограничений в правах лиц римско-католического вероисповедания»¹⁰⁷. Но ни один из этих законопроектов не стал законом. Это доказывало, что в годы войны центр окончательного принятия политических решений, в том числе по национальному вопросу, «окончательно смещался в сторону Ставки и Царского Села»¹⁰⁸.

В эти годы особое место заняла и проблема Польши, разделённой между тремя империями – Российской, Австро-Венгерской и Германской. С вступлением в Царство Польское германских войск и началом военных действий в Галиции многим стало понятно, насколько недалёковидной в предшествующие десятилетия была антипольская политика России. Ещё после голосования по Холмскому вопросу кадетский депутат III Думы А.Ф. Бабянский предполагал, что этот закон «несомненно выроет между русским и польским народами такую пропасть, которую уже ничем не засыпать»¹⁰⁹. Однако с началом войны, несмотря на этот опыт, большинство Польского коло с удовлетворением восприняло воззвание к полякам Верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича с обещанием воссоединения Польши под русским скипетром «свободной в своей вере, языке и самоуправлении»¹¹⁰. Депутат

¹⁰⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 187.

¹⁰⁵ Шелохаев В.В. Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1999. С. 356.

¹⁰⁶ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 31–32.

¹⁰⁷ См.: Законодательная деятельность думских фракций...

¹⁰⁸ Соловьёв К.А., Шелохаев В.В. История деятельности первых Государственных дум дореволюционной России: сравнительный анализ традиций законотворчества. М., 2013. С. 239.

¹⁰⁹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Третий созыв. Сессия V. Ч. 1. СПб., 1911. Стб. 2499.

¹¹⁰ Год войны с 19 июля 1914 г. по 19 июля 1915 г. Высочайшие манифесты и воззвание Верховного главнокомандующего. Пг., 1915. С. 3.

от Келецкой губ. Яронский указал, что хотя «война всей тяжестью разорения ложится на польские земли», но поляки помнят: в воззвании указывалось, что «одной из задач настоящей войны является... соединение в одно целое свободного польского народа под скипетром русского царя». Поэтому они ожидали, что «в широкой сфере управления правительство и администрация в отношении нас, поляков, будут действительно руководствоваться духом и смыслом воззвания»¹¹¹. Спустя год после начала войны, 19 июля 1915 г., когда противник уже контролировал значительную часть западных губерний, в Думе вновь выступил Горемыкин, обратившийся ко всем народам империи: «Внутренняя политика наша должна быть проникнута началом беспристрастного и благожелательного внимания к интересам всех верных России граждан без различия племени, языка и веры». Он вынужден был признать, что польский вопрос стоит «на грани между войной и нашими внутренними делами». Заявив, что «рыцарски благородный, братски верный польский народ... вызывает к себе в наших сердцах глубочайшее сочувствие и ничем не омрачённую дань уважения», глава правительства сообщил о поручении императора «разработать законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии... при сохранении единой государственности»¹¹². Я.С. Гарусевич от имени Польского коло приветствовал такое обещание, «несмотря на бывшее неопределённое отношение правительства к воззванию», хотя и констатировал, что разорённая Польша отделена теперь «стеной неприятельских войск»¹¹³. Польский вопрос как один из главных обсуждался во время состоявшейся в 1916 г. зарубежной поездки думской делегации, в составе которой были член Белорусско-польско-литовской группы Рачковский и член Польского коло в Государственном совете граф С.И. Велепольский. По воспоминаниям Милюкова, английский король Георг V пообещал помочь с поставкой хлеба в оккупированную Польшу, а министр иностранных дел Великобритании Э. Грей высказывал пожелание, чтобы Россия «сама дала полякам автономию». Милюков же сообщил, что кадетский проект для Польши похож на гомруль для Ирландии, но кадеты «не желали бы упоминания о внутренней конституции Польши в международном акте», максимум – это указать «границы польской (освобождённой) территории». Далее он добавил, что «поляки теперь уже настаивают на независимости и на международном признании, так далеко мы идти не можем»¹¹⁴.

Представлявшие оккупированные губернии Польское коло и Белорусско-литовско-польская группа к 1915–1916 гг. сократились по численности, но их лидеры сохраняли лояльность государственной власти¹¹⁵, всё ещё ожидая от неё решения своих вопросов. Однако события развернулись по иному сценар

¹¹¹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия III. Заседание 1. Пг., 1915. Стб. 28.

¹¹² Там же. Сессия IV. Пг., 1916. Стб. 9–10.

¹¹³ Там же. Стб. 86.

¹¹⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 425–426.

¹¹⁵ К концу IV сессии (июнь 1916 г.) численность Польского коло и Белорусско-польско-литовской фракции ещё более сократилась; в их составе были соответственно четыре и пять депутатов, трое скончались, двое отказались от депутатства, ещё один, Лэмпицкий, за антиросийскую деятельность и сотрудничество в Лиге инородцев России был исключён из Польского коло (Государственная дума. Четвёртый созыв. Указатель к стенографическим отчётам. Сессия IV. Пг., 1916. С. 22, 24, 10, 13, 15, 16; *Brzoza C., Stepan K. Posłowie polscy w parlamencie rosyjskim. 1906–1917. Słownik biograficzny.* Warszawa, 2001. S. 102, 122, 209–210).

рию. В день открытия пятой сессии IV Государственной думы 1 ноября 1916 г. с внеочередным заявлением от имени Польского коло выступил товарищ председателя этой фракции Гарусевич (Ломжинская губ.). Поводом для его выступления послужило объявление Германией «независимости» Царства Польского. «Создаваемое Германией из части польских земель самостоятельное польское государство, – заявил Гарусевич, – поставленное во многих отношениях в зависимость от немецких держав, было бы орудием немецкого империализма... Польский народ не согласится на немецкое решение, которое ярко противоречит его заветным стремлениям». Отвергая немецкое решение этого вопроса, выступивший напомнил власти и депутатам: «Правительство... не сделало ничего для укрепления веры, что решение России, объявленное в историческом воззвании к польскому народу, непоколебимо, что возврата к прошлому быть не может». По мнению Польского коло, правительство, напротив, сделало всё, чтобы потушить эту веру и надежду, даже были оставлены «в силе все прежние ограничения поляков в Российской империи»¹¹⁶. В ответ председатель правительства А.Ф. Трепов на заседании Думы 19 ноября 1916 г. решился на очередное обещание полякам. Указывая, что надо «вернуть Царство Польское силой оружия», он сообщал о намерении «вырвать от врагов исконные зарубежные польские земли... воссоздать свободную Польшу в этнографических её границах и в неразрывном единении с Россией»¹¹⁷. Он пообещал также создание земств на окраинах. Лидеры Польского коло продолжали придерживаться особой политической линии, не поддержав попытку «штурма власти» в ноябре 1916 г.¹¹⁸, сохраняя уверенность, что «без возрождения Польши нет действительного сокрушения Пруссии... сокрушения угрожающей Европе германской гегемонии»¹¹⁹.

Как известно, конфликт Думы и самодержавного правительства продолжал нарастать. Государственная дума выразила недоверие новому правительству, к ней присоединился и Госсовет. Уже 16 декабря 1916 г. Дума была распущена на каникулы, а 25 февраля 1917 г. Николай II подписал указ о перерыве думских заседаний. Фактически это стало знаком неизбежности краха самой империи, а важнейшими линиями её разлома неминуемо становились этнорегиональные границы.

Чуть более четырёх лет прошло с 7 декабря 1912 г., когда на одном из первых заседаний IV Думы депутат от Тульской губ. граф В.А. Бобринский заявлял от имени Фракции русских националистов в ответ на международную часть правительственной декларации: «Если теперь наступает роковой час развязки и если правительство окажется не готовым встретиться с тем, что предстоит испытать России, то над этим правительством будет грозный суд и царя, и русского народа, и русской истории (*рукоплескания в центре и справа*)». Вряд ли он тогда представлял, что его пророчество станет более суровым и трагическим, и какую роль в судьбе страны сыграет тогдашнее желание «прекращения ужасных гонений на православную веру и коренное облегчение участи русского народа на Галичине, в Буковине и в Угорской Руси»¹²⁰.

Таким образом, национальная проблема в военные годы стала «ящиком Пандорь», из которого по мере ухудшения обстановки на фронтах и в тылу

¹¹⁶ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 7–8.

¹¹⁷ Там же. Стб. 257–258.

¹¹⁸ Лукоянов И.В. Польское коло в Государственной думе // Россия и Польша: память империй/империи памяти. СПб., 2013. С. 244.

¹¹⁹ Государственная дума. Стенографические отчёты. Четвёртый созыв. Сессия V. Пг., 1916. Стб. 376.

¹²⁰ Там же. Сессия I. Ч. 1. Стб. 348–349.

стали появляться не только уже известные, но и новые национальные вопросы, которые, в свою очередь, жёстко сплетались не только друг с другом, но и с главными противоречиями в жизни российского государства и общества. Государственная дума в военных условиях оставалась единственной легальной неподцензурной площадкой для обсуждения национальных проблем. Но при этом проявились все изъяны третьей Думы, которая, с одной стороны, ограничила полномочия Думы, с другой – сократила представительство окраин и административным давлением обеспечила правоцентристский состав думского большинства. Причём планка обсуждения национального вопроса в военный период резко повысилась за счёт привнесения в дискуссии в зале Таврического дворца всей остроты как международных, так и межнациональных противоречий и конфликтов. Союзниками малочисленных в IV Думе национальных фракций, критиковавших правительственную политику и боровшихся против усиливающихся ксенофобии и нетерпимости, оказались не столько близкие им идеологически кадеты, которые ориентировались на укрепление Прогрессивного блока и формирование ответственного правительства, сколько стоявшие на классовых интернационалистических позициях социалисты. Лояльность представителей национальных думских элит, заявлявших о поддержке лозунга «единой и неделимой России» и российского правительства в войне, даже в условиях оккупации противником губерний, от которых они были избраны, не встречала ответных шагов со стороны власти, что наглядно проявилось в обсуждении польского вопроса. В таких условиях последовательное отстаивание национальных интересов способствовало превращению национальных фракций в центры притяжения общественных сил и организации легальной внедумской работы. Национальным фракциям и нерусским депутатам упорно противостояли правые и русские националисты, которые не только отторгали идею равноправия подданных империи, но и считали необходимым ужесточение ограничительной политики для «кинородцев». В итоге нерешённость в годы Первой мировой войны национальных вопросов для поляков, украинцев, евреев, немцев, армян и мусульман и восприятие их как «других» – «чужих» послужили одной из весомых причин углубления общенационального конфликта и распада Российской империи.

Отношение российских мусульман к Первой мировой войне

Салават Исхаков

В 1914–1918 гг. многомиллионное российское мусульманство, населявшее Поволжье, Урал, Сибирь, Кавказ, Крым и Среднюю Азию, в той или иной степени участвовало в военной, социально-экономической, политической и культурной жизни Российской империи, с февраля 1917 г. – демократической России, а с октября – уже Советской. Мусульмане состояли в российских политических партиях и различных общественных организациях, участвовали в